

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛИНА
МАК

Туман

НЕ ПОК РНАЯ
BYD БАНДИТА

Лина Мак

Туман. Непокорная для бандита

Серия «Хочу я мужика», книга 8

<https://litres.ru/74105866>

SelfPub; 2026

Аннотация

Туман живёт без привязанностей: бизнес, братство, бабы в достатке. Зачем одна, если можно разных? Но когда в его номер врывается «горничная» с глазами убийцы и внешностью богини, всё летит к чертям.

Яна умеет быть разной, но никогда не была покорной и не любила. Это сказки для глупых девочек. Но когда она понимает, что единственный способ сбежать от опасности, которая наступает ей на пятки — это попасть в пасть к хищнику намного крупнее, то пользуется этим.

Вот только никто из них ещё не знает, что в этой игре не будет победителей.

— Давай сыграем, маленькая ведьма, — произношу я тихо, вжимая её телом в стену и чувствуя ответную дрожь. — Я задаю вопрос, ты отвечаешь правду.

— Пошёл нахрен, — выдыхает она мне в губы и клацает зубами.

— Ответ неправильный, — скалюсь и, сжав одной рукой тонкую шею, с рыком впиваюсь в этот дерзкий рот.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Лина Мак

Туман. Непокорная для бандита

Глава 1

Когда твой лучший друг решил жениться на женщине с отвратным характером, да ещё и против её воли, ожидать можно чего угодно. Даже неземной любви и превращения этого самого друга в полного осла, который только и смотрит в рот своей жене.

— Брат, я всё понимаю, но у меня работы много, — отвечаю я и сажусь в кресло у панорамного окна. — Кто-то же кинул меня и решил, что я могу теперь сам справиться.

— Тебя никто не кидал, брат, — спокойным и до оскомины уверенным голосом произнёс Север. — Ты всегда можешь приехать к нам, и я помогу. А Люба ещё и даст совет.

— Что-то мне подсказывает, что даст она что-то другое, — отвечаю и радуюсь тому, что я сейчас нахожусь подальше от этого вертепа любви.

— Туман, я сейчас забуду, что ты мне как брат, и приеду, — слышу предупреждающие ноты в голосе Севера и не могу

удержаться от смеха.

— И куда ты собрался, милый мой? — слышу мелодичный голос Любы, жены Севера. — Если к Туману, то можешь до завтра быть свободным. Но я знаю, что у него в гостинице один из поваров готовит просто невероятную чурчелу. Хочу с мясом.

Я не смогу сдержаться и заржал так, что меня, вероятно, услышала бы вся гостиница, если бы я лично не знал, насколько здесь отличная звукоизоляция.

— Ведьмочка моя любимая, ты же знаешь, что чурчела — это сладость? — я слышу, как Тимур аккуратно спрашивает у Любы, и радуюсь, что далеко от этого семейства.

Ах да, совсем забыл. Люба же беременна, а это просто Да я даже не знаю, как назвать то, что происходит с этой женщиной. В прошлом месяце Север искал мяту, которая должна пахнуть как «мята». Вот где был пизд*ц!

— Конечно, знаю, — спокойно и даже расслабленно отвечает Люба. — Но я хочу с мясом. Должно быть божественно.

— Так, предлагаю вариант, — решаю, что пора всё же спасти этого возрастного идиота, который решил, что любовь должна быть не только чувством, но и его женой. — Я сейчас спущусь в ресторан и попрошу нашего шефа сообразить тебе чурчелу с мясом, — произношу это и даже представить боюсь, как на меня будут смотреть повара. Но ради брата, так и быть, потерпеть можно. — А Тимур пусть остаётся рядом с тобой, королева грозных перевалов, — говорю, уже не

скрывая улыбки.

— Спасибо, Маратик, — пропевая, отвечает Люба. — Тогда жду вкусности завтра.

— С тебя вертушка, брат, — говорю уже это Северу и, попрощавшись, отключаюсь.

Но ловлю себя на мысли, что счастлив. Счастлив до пизд*ца, что не я женат. И что зимой, когда мы решали проблемы с крысами, которые питались у нас с руки, Север решил пойти таким неординарным путём: украл Любовь Стальнову, женился на ней и теперь сам отдувается за всё.

А я только плоды пожинаю. Меня вполне устраивает то, что теперь бизнес пошёл ещё лучше. Да и спокойнее всё же стало. Здесь и скрывать не буду: клан Стальных-Чернобор — мощь такая, что даже в подмётки не годится ни одному из тех, что я когда-либо знал.

Вот где семейные ценности стали основой для всего, что они имеют сейчас.

Но ценности ценностями, а вот лично моё мнение: лучше одному, чем с отбитой башкой. Я готов отвечать только за себя. А бабы Их всегда в достатке. И пускай так и остаётся. Зачем мне терять башку из-за одной, когда каждый раз можно иметь разных?

Тело начинает расслабляться, а вечер за окном, где горы отливают темнотой, только притягивает взгляд своей мощью. Люблю тишину своего номера. Да и отдельное крыло даёт больше преимуществ.

Но всё же нужно сходить в душ да спуститься в ресторан. Лучше сразу пережить этот позор с мясной чурчелой.

Скидываю рубашку, которую успел расстегнуть до того, как сел в кресло. Расстёгиваю ремень и замираю от странно-го, почти невозможного звука.

Дверь в мой номер открывается.

Слишком быстро, но не полностью, а только настолько, чтобы пропустить в номер тонкую, стройную фигуру в костюме горничной моего отеля.

И, судя по всему, эта «горничная» немного не представляет, как на самом деле выглядит. В коротком платье, которое ей явно немного мало, красные туфли на шпильке держит в руках, а волосы рассыпались чёрным водопадом по плечам.

Она прижалась спиной к двери и замерла, прикрыв глаза. Приглушённого света хватает, чтобы всё это подметить. За несколько движений я уже спрятался за тёмной шторой, которую не успел задёрнуть, а ствол, который так и не отвык оставлять в сейфе, так удачно лёг мне в руку.

А вот «горничная», будто что-то почувствовала, нервно осмотрелась и сделала несколько несмелых шагов вглубь номера.

И да, «горничная» — только по маловатому костюмчику. Но то, как она держит спину, даже крадучись, как чётко выхватывает детали, говорит намного больше, чем любые слова.

Меньше минуты нужно ей, чтобы заметить мой мобиль-

ный, быстро, почти бесшумно подойти и взять его.

Я уже готов выйти и приставить ствол к её голове, в полной уверенности, что ни у кого не хватит мозгов сломать защиту моего смартфона, как понимаю, что она его уже заблокировала.

Интуиция уже сигналил всеми возможными маяками. И да, если меня пришли грохнуть, то для начала нужно хотя бы выяснить кто, а потом уже и в расход можно пускать. Вот только жаль. Это могла бы быть сладкая крошка для кого-то.

Медленно выхожу из своего укрытия.

— Может, помочь? — спрашиваю лениво, хотя адреналин херачит по мозгам так, что готов пристрелить её сразу же.

Она замирает. Не оборачивается, не визжит, как любят все бабы, не пытается бежать. Она просто поднимает голову, смотрит в отражение зеркала, что находится как раз напротив неё, и я, сука, теряюсь. Не в глазах — в ней целиком. Секунда, даже меньше — но её хватает, чтобы эта тварь поняла: я дал слабинку.

— Сомневаюсь, — произносит она уверенно и, развернувшись, впечатывает мне в плечо острый каблук тех самых туфель.

— Да, бл*дь! — рывкаю я, матерясь больше от неожиданной и острой боли, чем от того, что она сделала.

Выбрасываю руку и успеваю схватить её за волосы, которые так удачно оказались распущены.

Знаю, что делаю больно, но это взаимно. Плечо пульсиру-

ет, но ствол не отпускаю.

— Сука, — шипит эта бессмертная, а я ногой выбиваю у неё из рук эти еб*чие туфли, чтобы не получить по яйцам, и бросаю эту дуру на кровать.

Приглушённый удар заставляет её зашипеть и растеряться. Приложила голову о спинку кровати. Но, надеюсь, не убил. А то будет неинтересно.

Но, судя по тому, что теряется она всего на пару секунд, а потом начинает отползать, быстро перебирая ногами, нужно всё же либо добивать, либо трахать.

И самое хреновое, что оба варианта мне очень нравятся! Захватываю одну её ногу рукой, дёргая со всей силы на себя, слыша противный хруст суставов. Покрывало под ней сминается, но она не кричит, что заставляет думать. Онемевшими пальцами взвожу курок и навожу на эту «горничную».

Вот теперь она замирает. Не дёргается, не отбивается и смотрит чётко в дуло ствола.

Мы молчим. Оба тяжело дышим, но никто не решается заговорить первым. Но зато её глаза говорят столько, что я даже не сразу соображаю, откуда в обычной, пускай охренительно красивой бабе, может быть столько осознания и понимания происходящего.

— Мобилу, — произношу низко и стискиваю зубы сильнее, так как адреналин хоть и не отпустил, но боль в плече начинает пульсировать, а кровь, что льётся довольно сильно, неприятно холодит кожу и уже капает на кровать.

Она сжимает губы плотнее, но от этого они не становятся меньше, а вот глаза становятся как две щели. И самое паршивое, что она сжимает мой мобильный ещё крепче.

Ставлю колено на кровать, продавливая своим немалым весом, и приближаю ствол, упирая его в лоб.

— Не люблю повторять дважды, — скажусь и замечаю, как одна жирная капля крови капает ей на щеку.

Она вздрагивает, но вместо того, чтобы отдать мой мобильный, она со всей силы швыряет его в стену, и тот разлетается на несколько частей.

Вот дрянь! Нажать бы на курок, да, мать вашу, это же будет пиздец! И тогда не узнать, кто послал и зачем.

Губы сами расплываются в оскале, когда я понимаю, что она не будет сдаваться. Вижу по взгляду чёрных глаз, которые обрамлены шикарными — и нужно отметить, настоящими — ресницами, что она сейчас уже просчитала кучу вариантов, как грохнуть меня.

Туман, тебе всего и нужно — нажать на курок. В этом же никогда не было проблемы.

Но с бабами я войну не веду. Пугаю — да. Убиваю — нахер. Хотя эта, похоже, не из тех, кто испугается.

Но всё же...

— Я так понимаю, ты решила проверить, что быстрее: твои ручки или моя пуля? — спрашиваю тихо и радуюсь тому, как она вздрагивает.

Она уже готова открыть рот, как в дверь моего номера —

на минуточку, в закрытом крыле, куда есть доступ только у меня, Севера и начальника охраны, который проводит сюда только одну-единственную горничную, — никто не может постучать.

— Кто? — громко спрашиваю я, вдавливая ствол в красивую мордашку этой суки, замечая, как она кривится от боли.

— Уборка номера, — раздаётся с той стороны, а я скалюсь, как перед прыжком с самого высокого водопада.

Но вот же незадача. Моя «горничная» не радуется. Она бледнеет, а её взгляд с решительного становится затравленным. И что-то мне подсказывает, что меня она только проверяла на прочность, а вот того, кто пришёл «убратся» уже проверила.

Как интересно!

Дорогие читатели, добро пожаловать вас в ещё одну, восьмую историю из серии "Хочу я мужика!"

Эта история будет о Туманове Марате и, пока ещё, таинственной незнакомке, которая с первой встречи пустила кровь этому самому цинику.

Не забудьте добавить историю к себе на полочку "МОИ КНИГИ", чтобы не пропустить обновление!

А так же добавляю пояснение к этой истории.

Это поможет тем, кто только знакомится с моим творчеством и расскажет, в каком порядке лучше читать книги цикла «Хочу я мужика».

Как раз эта история «Опасная Любовь бандита» входит в этот цикл. Ну или серию.

Ниже приведён список и порядок того, как читаются эти истории.

- 1. Хочу я мужика, но 40+**
- 2. Дикая Ника для бандита. (история родителей Давида из книги «Сын бандита. Ломая запреты»)**
- 3. В рамках приличий**
- 4. Скиф. Сердце принцессы (история Дена Стальнова и Али Макаровой)**
- 5. Борзый. Раскрою твой секрет (история Борзого Сани и Лики Макаровой)**
- 6. Сын бандита. Ломая запреты.**
- 7. Опасная Любовь бандита (история самой младшей дочери Дана и Яси, Любы Стальной)**
- 8. Туман. Непокорная для бандита**

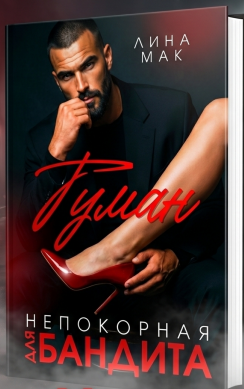
Всем приятного чтения и спасибо, что выбрали эти истории!

С любовью, Лина М.

История, которую вы ждали

Продолжение цикла "Хочу я мужика!"

НОВИНКА

**Туман. Непокорная
для бандита**

Лина Мак

ссылка в посте

Глава 2

— Помощник или бежишь от когото, красавица? — спрашиваю я, но ствол предусмотрительно не убираю.

Она же молчит. И если бы не сиськи, которые выделяются под простой тканью платья, и кружевные трусики, что отлично дополняют образ тех самых злополучных туфель, я бы подумал, что передо мной сейчас кто-то из спецур.

Таких учат молчать, даже когда ты уже сломан полностью.

Но сидеть и ждать, когда второй войдёт в мой же, сука, номер, так же, как только что вошла эта ведьма, нет ни сил, ни желания. Да ещё и злость поднимается новой волной, так как плечо начинает гореть от боли.

— Красавица, у тебя была возможность открыть свой прелестный ротик, — скалюсь и замахиwaюсь рукояткой ствола.

— Не... — только и успевает она пискнуть, как её отключает.

Не уверен, что надолго, но мне хватит. Что-то подсказывает мне, что с той стороны уже даже глушак накрутили на ствол. А он там есть.

Движения чёткие, ничего лишнего. Жизнь научила, что любой просчёт может обойтись слишком дорого. Тёмносиний халат беру со шкафа и снимаю штаны. Нахера это делаю? Да чтобы удобнее было.

А халат нужен, чтобы спрятать кровь. Мне сейчас не нуж-

ны проблемы.

Иду к двери спокойно, но, подойдя к ней, понимаю, что она заперта. А как же ты вошла, ведьма? Бросаю взгляд на «горничную» и, оскалившись, открываю дверь так, чтобы видно было только меня.

На меня уставились две пары глаз.

Шакалы. Другого определения нет. А если уж быть точнее — шавки.

И возле них действительно стоит тележка со всеми принадлежностями из моей гостиницы.

— Мужики, а вы ничего не перепутали? — спрашиваю спокойно, но ствол уже приставил с другой стороны двери так, чтобы первым лёг тот, кто стоит с неудобной для меня стороны.

— Приносим извинения за неудобства, но нам сообщили... — начинает говорить тот, кто и сказал об уборке номера.

И, судя по тому, что они даже не представляют, кто перед ними, не местные. Но это не мои проблемы.

— Извинения не принимаются, — перебиваю я и быю с левой так, что это уёбище отлетает к противоположной стене и, врезавшись в неё, отключается.

Выдёргиваю руку и направляю на того, кто тоже уже держит меня на прицеле.

Улыбаюсь ему и качаю головой.

— Что же вы за долбодятлы? Прежде чем проникать в за-

крытое крыло гостиницы, нужно было узнать, кто хозяин и как он выглядит. Или вас не учили этикету? — спрашиваю я и в одно движение делаю шаг, уклоняюсь от выстрела, зато, приложив ствол к плечу этого ублюдка, прошиваю пулей навывлет.

— А-а-а-а! — орёт второй.

И в этот момент в коридор врывается Грек, начальник охраны, с парными. Дикий взгляд быстро сканирует обстановку. Работают чётко, а я продолжаю стоять на месте.

— Не убивать. Мне нужна информация, — отдаю приказ.

— Да ты, мудила, хоть знаешь, на кого мы работаем? — вопит раненый.

— Вот ты мне это и расскажешь, — твёрдо отвечает Грек и, подхватив этого урода, который заливает мне весь коридор кровью, толкает его парням.

Второго выволакивают под руки. Он в себя так и не пришёл ещё. Удар у меня поставлен так, что лучше не попадаться под руку. Грек же замирает, осматривая меня слишком придиричиво. Он один из тех, кто никогда не предавал нас с Севером. И сейчас, когда этот каблук ублажает беременную супругу, только Грек и остался на моей тёмной стороне холостяков.

— Я решил, что оставляю тебя без премии в этом месяце, — отвечаю ему ровно, но перед глазами всё немного плывёт.

— Ключ умыкнула какая-то девка, — нервно отвечает Грек. — Заметил только через двадцать минут.

Хмыкнув, киваю в сторону своего номера. Мы оба входим, и Грек замирает буквально на несколько секунд, а потом уже готов сорваться, чтобы и эту отправить к тем уёбкам. Но я не даю ему двинуться.

— С этой я сам поговорю, — отрезаю.

— Туман, слушай... — я слышу, что в его голосе проскальзывает вина, но перебиваю.

— Вали нахер, — отрезаю я и киваю на дверь, но вовремя вспоминаю о чём я забыл: — Хотя стой, мне нужна новая мобила. И желательно быстро. Повару скажи, чтобы сообразил чурчхелу с мясом, — Грек даже воздухом давится, смотря на меня, как дебила. Закатываю глаза и поясняю: — Это для Любы.

Я даже не слышу, по его глаза читаю, что это будет пизд*ц, когда он скажет сейчас это на кухне. Но это уже не моя проблема. Не я буду говорить и на том спасибо. Но вот всё за еду нужно подумать. С пробитым плечом сильно не походишь по гостинице.

— А ещё сообрази ужин, — говорю Греку, но, подумав, добавляю: — на двоих. И врача организуй.

Грек молча сверлит меня взглядом. Вероятно, пытается взглядом понять, всё ли нормально у меня с башкой. А я вот не могу ему ничего по этому поводу сказать.

Но и отчитываться не собираюсь.

Грек уже собирается уйти, а я вспоминаю то, что мне ещё может пригодиться.

— А ещё мне нужен лёд и верёвка.

— Вы с Севером местами поменялись? — спрашивает Грек обречённо. — Сначала один был с причудами, теперь другой? Женись ещё на ней, пока она в отключке, — бросает он с раздражением и выходит из номера, не закрывая дверь.

И мне бы разозлиться, но я только хмыкаю и, бросив ещё один взгляд на бледную «горничную», иду сам закрыть дверь. А ещё мне нужно проверить плечо, но сначала я приведу эту дрянь в чувства и выпытаю у неё всё, как того желает моя тёмная душонка. А потом уже...

Я уже почти закрыл дверь, как замечаю, что дверь в номер, который обычно занимает Север с Любой, приоткрыта. Мозг срабатывает быстрее инстинктов. Всё же сильно она меня приложила.

Но я открываю дверь и иду к номеру. Ствол всё так же сжимаю в руке. Толкаю дверь — и она открывается. Стискиваю зубы посильнее и делаю медленный шаг в номер. Иду так, как умел всегда: тихо, чтобы никто не сообразил, что за ним пришла смерть, пока я не окажусь за спиной.

Но в номере пусто. Будто никого и не было. Вот только чуйку не обмануть. Здесь кто-то есть. Да и номер невозможно открыть без ключа, который эта «горничная» и умыкнула у Грека.

Уже собираюсь уходить, как гдето совсем рядом раздаётся тихий «ик».

Замираю буквально на мгновение у кровати. А потом тупо

опускаюсь на пол и заглядываю под неё.

На меня смотрят огромные глазища ребёнка!

«Да это что за пиздец такой?!» — звучит в голове, но, натренированный Аней, старшенькой дочкой Северцева, рот не открываю, а только стараюсь улыбнуться, да быстро спрятать ствол.

— Эй, малыш, ты как там оказался? — спрашиваю я тихо.
— Выбирайся, — маню рукой, но ребёнок забивается ещё дальше.

Да, сука! Это что за день?

Не поднимать же мне эту кровать? Так и ребёнка раздавить недолго!

— Тебя кто туда спрятал? Если это та самая тётя, которая сейчас в моём номере, то вылезай, ей помощь нужна, — говорю полную чушь и совсем не ожидаю того, что у ребёнка такой твёрдый, хоть и дрожащий, голос.

— Не обижай Яну! Она меня спасала, — выдаёт мелочь и, снова икнув, начинает всхлипывать.

А через несколько секунд передо мной появляется маленький пацан лет пяти с такими же тёмными глазами, как у этой Яны.

— Ну, пошли, — хмыкаю я, смотря на мелкого, который, нужно сказать, одет довольно прилично. — Я Яну твою не обижу, но ты мне тогда поможешь.

— Яна сказала, что никому нельзя доверять, — снова всхлипывает пацан и нервно вытирает рукавом нос.

— Яна молодец, но ты мне поможешь, — отвечаю я и поднимаюсь на ноги. — Чтобы твоя Яна снова не решила всадить мне каблук, только теперь уже в глаз.

Малой напрягается буквально на мгновение. Но потом, кивнув, протягивает маленькую дрожащую руку.

И вот что-то мне подсказывает сейчас, что влезаю я туда, куда не нужно. Выкинуть её нужно и забыть. Только же всё устаканилось. Но я веду пацана в свой номер, а стоит только толкнуть дверь, как я натыкаюсь на немного расфокусированный взгляд Яны, которая быстро считывает всё происходящее, вскакивает с кровати и замечает рядом со мной пацана.

— Ну что, Яна, теперь поговорим? — спрашиваю я тоном, от которого у моих подчинённых начинается тахикардия.

Она вздрагивает от своего имени, сжимает руки в кулаки, а я опускаю взгляд на пацана, который дёргает меня за руку, пытаюсь вытащить ладошку.

— Помоги Яне открыть ротик, — улыбаюсь пацану и подталкиваю в номер.

Он срывается к ней, а она ловит его на лету и вжимает в себя и снова молчит. Что же ты за баба?

Проблемная, Марат! Она тебе нахер не сдалась! Но вместо того, чтобы послушать свой мозг, я прохожу в номер и, заперев дверь, шагаю к комоду, где лежит аптечка.

Ну что, давайте знакомится с Яной. Она же Яна

Мамонтова. А кто она такая на самом деле, мы скоро узнаем. Надеюсь вы не сомневаетесь, что у Тумана есть способы, как выяснить информацию, которая так ему нужна?)

Глава 3

Я должна была всё просчитать. Должна была понять, что просто не будет. Но когда ты привыкла отвечать только за себя, слишком сложно перестроиться в моменте.

Прижимаю к себе Мишку, который дрожит всем телом, но не плачет. Хотя прекрасно понимаю, что, когда я его прятала и приказала сидеть смирно, он уже готов был залиться истерикой. Но здесь...

В голове всё плывёт, и сил сделать полноценный вдох нет. Я не знаю, куда делись те, кого за нами послал Глебников, но что-то подсказывает мне: их точно не оставили за дверью.

И снова хочется отвесить себе подзатыльник, да посильнее. Дура! Не проверила! Не учла всё!

Но зато сейчас я понимаю, что передо мной не сморчок и больной ублюдок Алекс Глебников. Папин наследник и тварь, которая загубила мою сестру. Этот хищник? Да, это слово лучше всего подходит к нему.

Этот хищник куда страшнее Алекса.

— Яна, я хочу в туалет, — тихо шепчет Мишка, но его детский голосок звучит в тишине номера слишком громко, заставляя внутренне вздрогнуть.

Поглаживаю его по непослушным волосам, немного отодвигая от себя, чтобы заглянуть в глаза.

— Вторая дверь, — низкий, с характерной хрипотцой голос раздаётся уверенно.

Поднимаю взгляд на хищника и, с задержкой в секунду, молча киваю ему. Я уже вижу его ствол, поняла, что осталась без ключа, а также осознала, что этот индивид не так прост, как кажется.

А ведь мне всего-то была нужна вертушка или что-то такое, на чём можно было бы пересечь перевал, а там бы мне помогли по старой дружбе. И нас бы с Мишкой никто и никогда бы не нашёл.

Поднимаюсь аккуратно, чтобы отвести племянника в туалет, и от неожиданной боли стискиваю посильнее зубы.

Нога в тазобедренном суставе отдаёт острой болью. А все-му виной этот идиот, который дёрнул ещё не полностью зажившую ногу. Но я не имею права показывать ни боль, ни малейшую слабость.

Довожу Мишку до двери и взглядом спрашиваю: сам справится или нет? Мишка — мальчик умный. Он спокойно кивает и сам открывает дверь, быстро скрываясь за ней.

Оборачиваюсь — и натываюсь на пристальный взгляд этого сгустка тестостерона и дикости в одном флаконе, который прислонился к комоду и методично достаёт из аптечки бинты и пузырьки.

— Хромаешь, — и он сейчас не спрашивает.

— Да ты сама мисс наблюдательность, — осознанно хамлю, потому что боль становится пульсирующей, и прислоня-

юсь к стене рядом с дверью в ванную.

Он хмыкает и стягивает одним движением халат с того самого плеча, куда вошёл каблук моих туфель. Оголяет настолько, что я могу оценить всё. И я невольно скольжу взглядом по мощному торсу, шрамам, которых там до фига, и поднимаю взгляд к плечу, откуда всё ещё сочится кровь.

— Нравится вид? — усмехается он, перехватив мой взгляд.

— Видела и получше, — огрызаюсь на автомате, хотя вру. Таких, как он, я не видела. Опасных — да. Сильных — да. Но чтобы вот так, с пробитым плечом, сначала вырубить меня, потом шестёрка Глебникова и, как итог, найти ещё и Мишку Но финишем приходит понимание, что я в этот раз замахнулась слишком высоко.

Нужно было всё же искать другое место.

— Ври дальше, красавица, — рыкает он и морщится, прижимая к ране марлю, смоченную спиртом. — А теперь давай так: ты мне расскажешь, какого хрена ты вломилась в мой номер, зачем разбила мою машину и кто за тобой охотится.

— А ты мне дашь номер твоего психолога, — парирую я и замечаю, как этот хищник замирает от моих слов. Растягиваю губы в той самой улыбке, которая всегда работает безотказно. — Мне же нужно теперь будет проходить реабилитацию. Психологические травмы — они такие непредсказуемые, знаешь.

Но вместо ответной реакции или хотя бы малейшего воз-

буждения он медленно поднимает взгляд — и я понимаю, что зря дразню зверя. В его глазах загорается что-то такое, что заставляет вспомнить все приёмы, которые я знаю в идеале. И ни один, сука, сейчас не поможет. Даже просчитав самые печальные варианты, я осознаю, что больше не одна. А новая вводная слишком несамостоятельна, чтобы выжить.

— Какая умная маленькая ведьма, — произносит он тихо, и от его интонации мурашки бегут по коже. — Предлагаю воспользоваться моими услугами. И пока я ещё не передумал тебя трахнуть, а поверь, ты меня заставляешь усомниться в собственной адекватности, я задаю вопрос, ты отвечаешь правду.

— Пошёл нахрен, — выдыхаю я каждое слово спокойно и уверенно.

Этот хищник снова замирает. Вот только вместо ленивого взгляда с отголосками боли в нём появляется то, что заставляет напрячься.

— Ответ неправильный, — скалится он слишком неожиданно.

И в следующую секунду уже стоит почти вплотную ко мне, а его рука обхватывает моё горло — не душит, но предупреждает. А вторая впивается в талию, прижимая к стене.

Сердце колотится так, что кажется — сейчас выпрыгнет. Но я не отвожу взгляд. Не имею права. Только руки на инстинктах впиваются в его кисть.

— Отпусти, — шиплю я сквозь зубы.

— Нет, — просто отвечает он и наклоняется ближе. — Ты мне должна, красавица. И мне плевать, что у тебя там за история. Ты притащила за собой неприятности в МОЮ гостиницу. Ранила меня в МОЁМ номере. Так что теперь будешь отвечать.

Я всегда знала, как действую на мужиков. Всегда умела выйти целой из разных ситуаций. Но сейчас я задыхаюсь от того, что стою слишком близко к хищнику, который мне, возможно, окажется не по зубам. А мне очень нужно просто убежать.

Стараюсь не вдыхать его запах, но рот сам жадно хватается воздух. И вот здесь я замечаю, как он смотрит на мои губы.

«Не такой ты выносливый, да?»

Резкий звук спускаемой воды в ванной заставляет вспомнить нас обоих, что мы не одни здесь, и он отстраняется от меня ровно в тот момент, когда Мишка выходит, бросая на нас испуганный взгляд. Смотрит слишком внимательно, и я вижу, как его губа начинает предательски дрожать.

— Всё хорошо, зайчик, — быстро говорю я и опускаюсь на корточки, несмотря на боль. — Дядя просто проверял, не заболела ли я.

— У тебя горло болит? — тут же спрашивает Мишка, и его глаза становятся ещё больше. — Это потому что мы бежали по холодной реке?

— Немножко, — киваю я и бросаю быстрый взгляд на хищника, который скрестил руки на груди и смотрит на нас

с каким-то странным выражением лица.

— Я могу поцеловать, и всё пройдёт, — серьёзно говорит Мишка. — Мама всегда так делала, когда я болел.

Сердце сжимается так, что больно. Аня Моя глупая сестрёнка, которая слишком верила в светлое и чистое чувство. Я не уберегла тебя. Но Мишку уберегу. Любой ценой.

— Спасибо, солнышко, — шепчу я и целую его в макушку.

Стук в дверь заставляет всех троих вздрогнуть и вернуть меня обратно в номер человека, который явно не понимает, с кем связывается.

— Туман, отрывай, твою мать! Ключ не подходит. Я принёс ужин и Карловича, — раздаётся знакомый голос того, кого я слишком ловко обвела, чтобы забрать ключ-карту и попасть сюда.

Вот только просчиталась. Опять, сука!

Но Туман, как его, вероятно, зовут, хмыкает и идёт к двери. Срабатывает характерный щелчок, и я слышу его голос из коридора:

— Входи.

Сначала в комнате появляется столик с едой — запах, который заставляет вспомнить, сколько же я не ела, — а следом заходит седой мужчина с чемоданчиком и тот самый тип, что и пал жертвой моих чар.

Он смотрит на меня с нескрываемым недоверием, потом на Мишку и только после — на Тумана.

— Она останется? — спрашивает он напряжённо.

— Пока да, — коротко отвечает Туман. — Карлович, — кивает он врачу, который уже достаёт инструменты. — Со мной потом разберёшься. Нужно парнишку осмотреть, — поворачивается он к Мише, и я непроизвольно засовываю его себе за спину. — Пацан, а ты есть хочешь?

Мишка молча кивает, не задумываясь.

— Тогда давай ты сходишь с Карловичем в номер, где ты прятался. Он тебя осмотрит, покормит и покажет, где можно посмотреть мультики, а потом я позову тебя обратно. Хорошо?

— А Яна? — настороженно спрашивает Мишка, и его голос начинает предательски дрожать.

— Яна никуда не денется, — усмехается Туман. — Обещаю.

Я хочу возразить, сказать, что Мишка остаётся со мной, но понимаю, что это шанс для нас. Мне нужно выяснить, что он знает, чего хочет и можно ли его использовать.

— Иди, Миш, — говорю я максимально спокойно и улыбаюсь своему солнышку, которое осталось у меня единственным напоминанием о моей Ане. — Поешь и отдохни. Я скоро приду.

Мишка смотрит на меня долгим взглядом, а я готова глотку разорвать зубами этому Туману за слёзы, что сейчас стоят в глазах моего мальчика. Но спустя несколько секунд Миша кивает мне.

Доктор протягивает ему руку и начинает что-то рассказывать подбадривающее. Он уводит Мишу, а я понимаю, что в номере остаюсь теперь с двумя внушительных размеров мужиками, которые явно очень злы на меня. Хотя странно, с чего бы это?

«Яна, ты сама себя стебёшь, а это означает, что аргументы в пользу правильности действий закончились».

Вот только Туман вдруг разворачивается ко второму, бордатову и перекачанному созданию, и смотрит теперь на него.

— Что? — этот экземпляр бросает на Тумана раздражённый взгляд.

— Вали нахер, Грек, — спокойно, в какой-то слишком скучающей манере произносит Туман. — И за пацаном посмотри.

— Я в няньки не нанимался, — отвечает этот Грек, но, судя по его виду, выхода у него нет.

Так что он через секунду уже разворачивается и идёт на выход, бурча себе под нос что-то похожее на «дебил» и «мне пора на пенсию».

Но стоит двери закрыться, а мне осознать, что мы остались вдвоём, по телу пробегает злость и раздражающее чувство страха.

Туман медленно поворачивается ко мне, и я понимаю, что моё чутьё не обманывает. В его взгляде я читаю, что этот Туман не просто опасен. Он смертельно опасен!

— Ну что, Яна, — произносит он медленно, шагая ко мне.
— Теперь поговорим по душам. Или мне придётся вытаскивать из тебя информацию другими способами?

— Можешь попробовать, — бросаю я вызов, хотя понимаю, что это глупо.

Но даже раненая волчица будет до последнего скалиться и кусаться. Я немного хуже. Вот только стоит Туману подойти и слишком демонстративно обвести меня тёмным взглядом, как моя решительность даёт сбой.

— Ты даже не представляешь, что я хочу попробовать с тобой сделать, красавица, — хрипло говорит он, и в его голосе столько обещаний, что внутри всё сжимается от опасного предчувствия. — Но сначала я узнаю, кто ты. Зачем ты здесь. И что мне с тобой, бл*дь, делать.

P.S. от автора:

Дорогие мои читатели! Ну как вам напряжение? Туман и Яна — это гремучая смесь, которая вот-вот рванёт. Они, конечно, пока этого не поняли, но мы им обязательно поможем!

И кто там говорил, что бабы созданы только для одного?) Наивный!

A romantic scene in a bedroom at night. A muscular man with a beard and a woman with long dark hair are standing close together, looking into each other's eyes. The man is shirtless, showing his well-defined muscles, and wearing black pants. The woman is wearing a black, form-fitting, long-sleeved outfit with a high collar. They are in a modern bedroom with large windows overlooking a misty mountain landscape under a full moon. A bed with brown pillows and a bedside lamp are visible in the background.

ЛИНА МАК

ТУМАН

Непокорная для бандита

— Боль — это только начало. Не заставляй меня
делать то, что хочу. Мне может понравиться!

Глава 4

Жду чего угодно: от банальных угроз до траха. Но вместо ожидаемого этот бандит — а это именно он. Я за столько лет жизни научилась различать, кто находится передо мной. И этот экземпляр непрост. Слишком опасен и слишком непредсказуем.

Что подтверждается почти сразу. Он хватает меня за руку и тащит к столу с едой.

— Садись, — приказывает.

— Не буду, — огрызаюсь я, и вот какого хрена — вообще не ясно.

— Сядешь, — рычит он и толкает меня на стул так, что я шлёпаюсь с тихим шипением.

Ногу снова пронзает болью, и предательский стон срывается с губ, выдавая меня.

Да что вообще происходит? Я знаю, что такое боль. Могу пережить даже то, что не каждый мужик вынесет, но сейчас всё выходит из-под контроля.

Поднимаю ненавидящий взгляд на этого дикаря и посильнее сжимаю одной рукой ручку кресла. Взгляд Тумана мгновенно темнеет.

— Показывай, — требует он и подходит к креслу так, что его пах теперь почти напротив моего лица.

— Что? — не понимаю я.

А может, и понимаю, но мне слишком больно, чтобы сообразить сейчас.

— Ногу, — цедит он сквозь зубы. — Показывай, где болит.

— Тебя это ебать не должно, — шиплю, смотря на него снизу вверх.

— Показывай, — повторяет он уже тише, но от этого не менее опасно, и медленно наклоняется ко мне, так что теперь нависает надо мной скалой. — Или я сам сниму с тебя это дерьмо, которое ты спиздила в моей гостинице, и смотреть уже буду везде.

Я сжимаю челюсть и со злостью задираю подол, открывая бедро. Там, где недавно был глубокий порез от ножа Алекса, теперь красуется свежий шрам и синяк — после того, как этот придурок дёрнул меня на кровать.

Туман присаживается на корточки, и его пальцы аккуратно касаются кожи рядом с раной. Прикосновение шершавых пальцев заставляет кожу покрыться мурашками. Реакция плохая реакция! Её быть вообще не должно.

— Свежее, — спокойно констатирует он. — Недели две? Ты смотри, какой наблюдательный.

— Десять дней, — сухо отвечаю я.

— Кто? — спрашивает он, поднимая на меня взгляд уже почти чёрных глаз.

Но я стискиваю зубы крепче и молчу. Ну нет! Довериться — равно предать себя. А я уже давно уяснила одну исти-

ну: себе изменять нельзя. Решила, что мужики — это только способ для достижения нужных целей, вот и иди по этой дорожке. Нечего петлять.

Тем более с моей внешностью, которую когда-то называли роковой, да и сейчас ничего не изменилось, я слишком рано осознала, что всем нужна только картинка, но никак не то, что внутри.

— Мне плевать на того, кто это сделал, — говорит он тихо, и его пальцы сжимаются на моём бедре, чуть выше колени, вырывая из тяжёлых мыслей. — Но мне очень интересно, почему ты хромаешь и при этом пытаешься сбежать через горы с пацаном.

— Это не твоё дело, — шиплю я.

— И снова неправильный ответ, — усмехается он и поднимается. — Потому что теперь ты и этот пацан — моя головная боль.

От этих слов что-то неприятное скребёт внутри, как раз там, где должно быть сердце. Но его там нет. И очень удобно для такой, как я.

А вот Туман подталкивает ко мне столик с едой и холодно приказывает:

— Ешь.

— Да ты, смотрю, само приличие и воспитанность, — язвлю я. И здесь уже работает инстинкт, который отвечает за то, чтобы скрыть боль под бронёй суки. — Не голодна.

— Яна, — произносит он моё имя так, что мурашки снова

бегут по спине. — Не испытывай моё терпение. Так что жри, — а вот последнее он уже произносит с рычащими нотками в голосе. — Не люблю баб, которые могут спрятаться за фонарным столбом.

Мудак. Взять бы одну из этих тарелок да в голову зашвырнуть. Но что-то мне подсказывает, что мне придётся слишком долго возиться с замком, а Туман... это не его мобильный взламывать, с детскими паролями.

Я смотрю на тарелку, на еду, думаю несколько секунд, а предательский желудок жалобно урчит, и Туман усмехается.

Точно мудак. Но когда улыбается, больше похож на довольного кошака. Отвлекаю себя, пускай и таким низким способом. Но лучше так, чем думать о боли во всём теле.

И всё же беру вилку и начинаю есть.

— Вот и молодец, — говорит он и садится напротив. — А теперь, пока ты ешь, я буду задавать вопросы. И ты, красавица, будешь отвечать.

Да ты смотри, какой уверенный в себе. Может, я всё же смогу взломать его систему быстрее, чем думаю?

— Кто такой Мишка? — спрашивает он.

Не твоего ума дело, но это я только думаю, а вот рот открывается только для того, чтобы закинуть новую порцию еды.

— Почему вы бежите?

Снова молчу.

— От кого бежите?

Да ты смотри, какой любопытный?

Он вздыхает и откидывается на спинку стула.

— Ладно, — говорит он почти мирно. — Сыграем в дру-
гую игру.

Я снова пропускаю момент перемены его настроения, а он встаёт, подходит ко мне и наклоняется так близко, что я чувствую его дыхание.

— Слушай, как всё будет: через полчаса у меня будет моби-
льный, а ещё через час — вся информация о тебе, — шеп-
чет он мне на ухо, а я отвожу взгляд в сторону. Не хочу
смотреть ему в глаза. — От твоего рождения до размера си-
сек. Хотя твоя твёрдая двочка и так отлично видна. Но ты
можешь облегчить нам задачу настолько, насколько это воз-
можно. Хотя можешь продолжать молчать. А я, так и быть,
как только узнаю, кто ты, откуда и что за дерьмо тащишь за
собой, подумаю, кому тебя передать.

Я резко поворачиваю голову, и наши губы оказываются в
опасной близости.

— Желаю удачи, — бросаю я вызов, хотя внутри всё хо-
лодеет.

Я допустила оплошность. Не проверила. Положилась на
то, что все монстры остались где-то на востоке нашей необъ-
ятной родины. И забыла, чем оборачивается беспечность,
когда ты принимаешь решение пойти против собственных
демонов.

И если Туман действительно узнает, кто я такая. Что я

— дочь Артёма Мамонтова, одного из отвратительных авторитетов дальневосточной стороны. Что я сбежала от Алекса Глебникова, уroda и твари, которая загубила мою сестру, а Мишка — единственный родной мне человек, которому я не желаю такой судьбы. То всё рухнет к чертям.

— О, я попробую, — усмехается он и вдруг проводит большим пальцем по моей нижней губе. — И ещё много чего попробую.

Его взгляд темнеет, и я вижу в нём откровенный голод. Хищник смотрит на добычу. И, кажется, решил, что поиграет, прежде чем сожрать.

— Но сейчас, — продолжает он тихо, — ты доешь. Потом примешь душ. Я дам тебе одежду. А потом ляжешь спать. Здесь. В моей постели.

— Ты охренел? — вырывается у меня. — Я буду спать там, где спит Мишка, — с яростью добавляю я.

Но вот Туман будто не замечает моей реакции. Он только скалится, довольный собой.

— Как скажешь, — соглашается он с усмешкой, вгоняя меня в шок, а я задницей чувствую, что это очередная ловушка. — Только спать тебе всё равно здесь. Потому что единственная альтернатива — подвал, где сейчас те двое, которые пришли за тобой и за пацаном.

Ненавижу таких мужиков, но молчу, потому что понимаю — он прав. У меня нет выбора.

— А ты? — всё же спрашиваю я.

— А я, красавица, — наклоняется он ещё ближе, и его губы почти касаются моих, — лягу рядом. И буду следить, чтобы ты никуда не сбежала. Потому что, судя по твоим глазам, ты уже просчитываешь варианты.

Какой умный, хитрый и слишком опасный Туман. И от этого осознания становится ещё хуже. А его следующие слова только подтверждают мои догадки.

— И даже не думай дёргаться, — говорит он холодно. — Тебе теперь не выйти отсюда, пока я не разрешу. Ах да, о пацане тоже подумай. Потому что если ты свалишь, я найду тебя. И поверь, ведьма, тебе не понравится, что я с тобой сделаю.

Я сжимаю вилку так сильно, что пальцы покалывают от напряжения.

— Ты ублюдок, — шиплю я.

— Согласен, — поправляет он с усмешкой. — И знаешь, мне это даже нравится. Особенно когда ты так смотришь. Будто хочешь убить.

— Хочу, — честно говорю я.

— Вот и славно, — хмыкает он и выпрямляется. — Значит, у нас взаимная ненависть. Отличная база для сотрудничества.

— Какого хрена тебе от меня нужно? — не выдерживаю я.

Он медленно улыбается, и эта улыбка обещает столько тёмного, что внутри всё сжимается.

— Это не мне нужно, здесь ты просчиталась. Нужно тебе.

Ты ввалилась в мой номер, — самодовольно говорит он. — Но не волнуйся, к завтрашнему утру я решу, что ты мне можешь дать за те проблемы, которые принесла в мой дом. А ты, красавица, будешь ждать. И молиться, чтобы моё решение тебя устроило.

Он поворачивается и идёт к двери в ванную, на ходу сбрасывая халат и оттягивая резинку трусов, собираясь и их снять.

Ну, в общем, мудак он у нас ещё тот!!

Но давайте подождём главу от Маратика)! Кто что думает по этому поводу?

Как будем наказывать этого фантика?##

Глава 5

Вот какого хера меня так кроет? Вошёл в ванную уже голый. И встать бы сразу под душ, да остудить башку, в которой вырисовывается слишком много самых разных кадров, где я не только трахаю эту Яну, но и как она смотрит на меня вот так же, снизу вверх, стоя на коленях и голая.

Картинка не просто отшибает мозг. Она слишком быстро перетекает в член, который болезненно пульсирует. И это бесит!

Сжимаю кулаки посильнее, и болью простреливает плечо. Отрезвляет. Так что жить и дышать можно.

Захожу в душевую и сразу же врубаю холодную воду. Нужно окончательно остыть и понять, что же произошло на самом деле. Даже не так: без нужной информации это как слепому коту тыкаться в чёрной комнате.

Но всё же даже то, что я имею сейчас, могу уже сложить в нужную картинку.

Пацан ей родной, но мать не она. А вот когда Мишаня сказал про маму, Яна не просто напряглась — её будто снова по башке приложили.

Значит, с мамой пацана что-то произошло. Дёрнуть за эту верёвочку? Сделать ей больно, чтобы открыла рот? Вариант неплохой, учитывая, что мои угрозы на неё не работают.

Переключаю воду с холодной на горячую и упираюсь руками в стену. Прикрываю глаза и сжимаю зубы до хруста.

Красивая сука, с куском камня в груди. Таких я видел немало. Они сами себя превращают в объект желания для мужиков. Сами готовы дать всё, что у них есть, и это чаще всего — высший пилотаж.

Но что-то не так.

Красивые суки не бегут со свежими ранами, а ещё и с побоями, которые она пыталась спрятать за распущенными волосами, в горы с маленьким ребёнком. И не дерутся так, что готовы лучше сдохнуть, чем чтобы всё было так, как я скажу.

Руки сами сжимаются в кулаки, особенно от противного, до тошноты удушающего воспоминания из той жизни, где я был тем, кто не мог защитить.

Кулак сам влетает в кафельную плитку. Сдавленно матерюсь и встряхиваю рукой. Боль и брызги разлетаются по душевой.

И, бл*дь, я же поклялся себе, что не стану больше тонуть в этом болоте, которое давно замуровал внутри себя, а эта дрянь с тёмными глазами-омутами всколыхнула всё.

Переключаю воду снова на ледяную, а через минуту уже стою перед зеркалом. Теперь бы пережить ворчание Карловича и дожждаться, пока Грек раздуплится и притащит мне мобилу.

Дверь в ванную настолько резко открывается, что я не сразу соображаю, какого хера происходит. Никогда не имел при-

вычки задерживать у себя баб больше, чем положено.

Но на меня смотрит Яна.

И снова этот её цепкий взгляд, который обжигает что-то за грудиной, чего там быть не должно. В паху простреливает, и член реагирует моментально.

И она тоже реагирует. Её пальцы сильнее сжимают ручку на двери, я даже слышу, как она сглатывает, хотя, надо сказать, лицо всё же держит. Вот только лёгкий румянец никуда не спрячешь.

— Если ты хотела меня увидеть голым, нужно было попросить, чтобы не закрывал, — говорю первое, что приходит в голову.

Яна вздрагивает от моего голоса, будто осознаёт, что стоит слишком долго и пялится.

— Мне нужно в туалет, — говорит ровно и с раздражением, но не двигается.

— Заходи, — киваю в сторону унитаза и не двигаюсь.

— Я должна при тебе всё делать? — она понижает голос до шипения и уже не скрывает злости.

— А в спецуре ты как делала? Или у вас девочки отдельно бегали писать и какать? — быю наугад и попадаю.

Да я, бл*дь, сегодня сам мистер Очевидность!

Яна бледнеет слишком резко, что бросается в глаза, и вторая рука сжимается в кулак. Да, вот ручки-то её и выдали. Она вся будто создана из секса, а руки набиты, как у отличного бойца.

— Или ты приняла правильное решение и пришла сама мне рассказать, куда втянула? — задаю ещё один вопрос и разворачиваюсь так, чтобы опереться задом о раковину, складываю руки на груди.

Но эта ведьма с глазами ночи молчит. Только взгляд гуляет по мне. И это, сука, совсем не честно. Хотя моя фантазия уже давно раздела и трахнула эту заразу, но всё же увидеть воочию то, что хочу до боли в яйцах, было бы идеально.

— Мне вот даже интересно, откуда у тебя столько выдержки, чтобы ещё и слова выстраивать в предложения, а не примитивные звуки, когда член стоит? — дерзит.

И я не могу сдержаться. Мой смех наполняет ванную.

Странное создание, которое мне точно обойдётся слишком дорого, и это я сейчас не о бабках думаю. Что-то подсказывает, что гнать её нужно. А мне становится весело.

— Если передумала идти в туалет, то двигай своими ходулями сюда и обработай плечо, — снова разворачиваюсь так, чтобы стать лицом к зеркалу, а продырявленное ею же плечо было видно. — Пора отрабатывать ночлежку, Яна.

Она кривится, будто ей в рот целый лимон запихивают, и от этого становится снова смешно. Какой-то конченный пацанский азарт просыпается внутри. Как в школе: охота подёргать понравившуюся девчонку за косы и отобрать портфель, чтобы она поныла, поистерила, а ещё лучше — побежала за тобой, чтобы завести куда-то в укромный уголок и прижать к стене.

Бл*дь! Не о том ты думаешь, Туман! И это пизд*ц как плохо!

Яна отталкивается от двери, разворачивается и уходит в номер, но, на удивление, возвращается меньше чем через минуту, хотя в каждой её позе читается, что она заставляет себя это делать. Подходит ко мне, но успевает схватить полотенце с сушилки и швырнуть в меня.

— Прикройся, эксгибиционист, — фыркает она и, выставив на тумбу у раковины аптечку, рассматривает рану так, как смотрят те, кто видел и похлеще.

Наматываю полотенце на бёдра, но всё равно подмечаю каждое движение Яны. С этой женщиной нельзя расслабляться. И вот тут приходит самая идиотская мысль из всех возможных:

«А кончать я с ней как буду? Она же меня пристрелит, пока член будет ещё пульсировать!»

А эта зараза тычет в рану пальцем, от чего все мои мысли быстро возвращаются в этот мир.

И да, я понимаю, что, возможно, немного перегнул с грубостью, да и со всем остальным, но это ей нужна помощь. Не мне.

Хватаю её за руку и сжимаю, дёргая на себя, впечатывая в себя.

— Ещё раз так сделаешь, и пискнуть не успеешь, как будешь раком стоять и любоваться нами в зеркале, а я буду вгонять в тебя член по самые яйца, — произношу каждое

слово так, чтобы она точно осознала.

— Можешь рискнуть, — Яна отвечает настолько спокойно, что мои слова уже не кажутся только фантазией.

Но тут в дверь номера снова стучат, а с той стороны слышно бурчание Грека.

Отпускаю её слишком резко, и Яна отшатывается, снова стискивая зубы, и опускает голову. Ей опять больно, а мне бы... Нихера мне не нужно делать! Не влезла бы — и жила бы спокойно. Ну или в канаве уже плескалась бы.

— Иди в душ. У тебя десять минут, — произношу безразлично и выхожу, закрывая за собой дверь.

Но стоит открыть дверь, как натыкаюсь на злой взгляд Грека. Он тычет в меня коробкой с новым смартфоном, а в другой руке держит планшет.

— Мне вот всегда было интересно, как вы с Севером находите себе приключения на жопу, — говорит он раздражённо и кивает мне, чтобы вышел в коридор. — А теперь понял: они вас, сука, сами находят. На, любуйся, — и он разворачивает в мою сторону планшет.

Вижу несколько камер, а ещё рядом — открытый файл с инфой на Яну Мамонтову.

И от каждой строчки, мелькающей перед глазами, мне хочется кого-то прикончить. Тёмную сторону не убрать, даже если надеть модный костюм. И моя тёмная сторона сейчас довольно скалится.

— А вот эти ребята, — и Грек тычет пальцем на застыв-

ший скрин с камеры видеонаблюдения в холле, — пришли за теми, кто сейчас сидит в подвале. Алекс Глебников, одночмо, у которого папаша в своё время подмял лучшие нефтяные месторождения, приехал в наш горный городок, и это его подопечные.

Мыслей столько, что их бы чем-нибудь освежить, или сходить к этой сучке и попросить, чтобы снова ткнула пальцем в рану. Но вместо этого я спрашиваю:

— Чурчхелу сделали?

— Ты, бл*дь, издеваешься?! — гаркает Грек, а я только взгляд на него поднимаю.

— Готовят! — всё же отвечает, понимая, что это единственный выход.

— Через несколько часов здесь будет вертушка Севера, — произношу чётко, чтобы Грек уловил каждое слово. — Чурчхелу упаковать, и пацана тоже. Северу сам позвоню.

— Да чтобы вы долго жили! — рычит Грек и нервно растягивает лицо.

Я вижу по его лицу всё, что он хочет мне сказать. Сам себе это говорю сейчас. Нахера оно мне нужно? Жили же спокойно, так какого хрена снова влезать в какую-то дичь? Но тут уже работает чуйка. И она мне сейчас сигналист, что этот мудила, даже если и пришёл за Яной и пацаном, все побочные явления тоже начнёт убирать. А я, так уж сложилось, не люблю, когда на бабу с ребёнком идёт охота. Да ещё и на моей территории.

Дорогие читатели, а у нас становится всё интереснее и интереснее! И даже не знаешь кого пожалеть сейчас!

А я напоминаю, что эта история ВОСЬМАЯ в цикле «Хочу я мужика!»

И те, кто только знакомится со всеми, можете пройтись по тем историям, которые уже написаны. Там не меньше интересного!

Глава 6

Возвращаюсь в номер, на ходу распаковывая коробку с мобилой. У стены замечаю детали от старой. Быстро достав сим-карту, проделываю все нужные манипуляции. Тихо матерюсь: сейчас времени нужно будет потратить дохера, чтобы вытащить информацию из облака, но сначала решаю только почту активировать.

И сразу же получаю файл от Грека. Мысленно ставлю себе галочку, что премии его всё же лишать не стоит в этом месяце, а глаза снова пробегаются по информации, которую он успел нарыть. И это же только верхушка.

Потому что приличный такой кусок жизни Яны просто вырван из баз данных, так как она что? Правильно: либо служила, либо была в таких местах, в которые нормальная баба не сунет свой слишком красивый зад.

Слышу, как в ванной начинается какая-то возня, и снова вспоминаю, что я не один в номере.

Меня должно это бесить, но нет. Я не чувствую привычного раздражения. Зато уже подхожу к шкафу, достаю футболку и спортивные и иду к ванной.

Открываю дверь так, как пятнадцать минут назад сделала Яна. И сжимаю зубы сильнее, чтобы не быть похожим на дебила, который дорвался до сладкого.

Она смотрит на меня огромными глазами, прижимая к се-

бе полотенце. А я не могу думать ни о чём ровно до того момента, пока не перевожу взгляд на её отражение в зеркале.

Я знаю, как накрывает ярость. Слишком знакомое чувство. Тем более в нашей команде, где Север всегда отвечал за мозг, я был приверженцем того, что лучше раз пережить, потому что потом и разговор лучше клеится.

И вот сейчас я чувствую этот прилив ярости. Чистой, обжигающей каждую клетку моего и так слишком перевозбуждённого мозга, которая сейчас выйдет либо в новое противостояние, либо в жёсткий трах.

Хотя нет. Траха не будет! Глаза не могут перестать видеть гематомы разных размеров на рёбрах, на пояснице, на второй ноге, которую она мне не показала. А ещё несколько порезов.

Делаю шаг вперёд, а Яна будто только сейчас понимает, что мы всё это время стояли и молчали. Дёргается назад, но налетает попой на тумбу раковины, сжимает зубы и выставляет руку вперёд с подрагивающими пальцами, выдыхает:

— Не подходи.

— Разбежался, — фыркаю я и подхожу к ней почти вплотную.

Мне нужно просто отдать ей вещи и выйти.

Туман, сука, сделай то, что нужно, и вали нахер!

— Стучать не учили? — сквозь зубы спрашивает Яна, не сводя с меня пылающего взгляда.

— Дверь можно было бы и закрыть, — отбиваю и склоняю

голову набок, чтобы рассмотреть её получше.

И мне бы психануть, а я наслаждаюсь дерзким огоньком в её глазах.

— Чтобы ты потом снёс её нахер? — зло уточняет Яна.

— И то правда, — довольно киваю я, и что-то в груди снова предательски дёргается.

Конченные мысли, что она здесь такая правильная. Именно в этот момент мне хочется защитить. А это плохо! Это пиздец как плохо, учитывая, что собираюсь сделать дальше.

— Вот вещи, — протягиваю ей футболку и спортивные. — Надевай и пошли к Карловичу.

— Мне не нужен твой медик, — фыркает Яна.

— Если ты не сделаешь, что я тебе сказал, пойдёшь к нему в чём есть, — угрожающе понижаю голос и склоняюсь к её лицу. — Хотя давай продолжим в том же духе. И тогда я гарантирую, что тебе понравится.

— Не льсти себе, — огрызается и вырывает вещи из руки.

Довольно хмыкаю и иду на выход.

Закрываю дверь за собой, и мозг снова включается.

Вот какого хера я не прижал её там и не выпытал всё? Можно же найти кучу способов, как сделать так, чтобы баба заговорила. И каждый из них будет приятный для меня.

А для неё? Для неё будет приятный хотя бы один из способов?

Ебучая совесть влезает тогда, когда она мне и нахер не обосралась.

Дверь за спиной открывается довольно быстро. Яна смотрит ненавидящим взглядом, а я снова теряю связь с реальностью. Блядь, попросить, что ли, Грека разок съездить мне по морде? Футболки бы хватило с головой. Она ей явно очень велика, но спортивки безопаснее для меня! Вот только какого хера она так выглядит в них?

— На выход, — командуя я, вместо того чтобы стать спокойнее, злюсь ещё сильнее. — В номер, куда прятала Мишку.

Яна молча идёт. Не огрызается, а я, сука, хочу, чтобы она открыла свой ротик и дала мне возможность задержать её здесь.

Вижу, что старается не хромать, но выходит херово.

А стоит войти в номер, где Карлович уже разложился и проводит с Мишкой лечение — не только его самого осматривает, но и рассказывает, что и для чего подходит, Яна ускорится.

— Яна! — довольно пищит Мишка. — А меня дядя Сава научил, как правильно нужно слушать слушалкой. Давай я тебе послушаю.

— Фонендоскоп, — поправляет Мишку Карлович, а Яна уже присаживается рядом и гладит Мишку по растрёпанным волосам.

— Ты уже искупался? — спрашивает она удивлённо.

— Милая барышня, у меня семь внуков, я могу проследить за одним ребёнком, — довольно улыбается Карлович. Я глаза закатываю.

— Её нужно осмотреть, — влезаю в эту компашку. —
Всю. И мази свои волшебные подготовь.

Карлович бросает на меня серьёзный взгляд, придирчиво осматривая, но только седые брови вскидывает, замечая, что я в одном полотенце.

— Не мне, — закатываю глаза и разворачиваюсь, чтобы выйти, но всё же решаю дополнить: — А если решит убрать, можешь всадить ей ещё и волшебный укольчик. Пусть поспит.

Яна сжимает челюсти, так что начинает напоминать дикую кошку, а Мишка, наоборот, улыбается, вот только зевот, который не может сдержать, слишком много говорит сейчас.

— Иди уже, — машет на меня Карлович, а сам окидывает Яну профессиональным взглядом.

И какого хера меня так бесит сейчас, что этот старый хрыч сможет трогать её руками, а я, блядь, нет? Хотя пострадавшая сторона здесь именно я.

Захожу к себе в номер, скидываю полотенце и достаю спортивные. Мне этого будет достаточно. Нужно просто переключиться.

Проверяю мобильный и довольно хмыкаю, когда понимаю, что информация с облака уже подтянулась. Перезагружаю аппарат и сразу же набираю Северцева. Длинные гудки нервируют, но друга можно понять. Ночь на дворе.

— Брат, у тебя там всё нормально? — вместо приветствия сразу же прилетает вопрос, как только Тимур принимает зво-

НОК.

— Зависит от того, что считать нормой, — отвечаю я и усмехаюсь. — Слушай, мне нужна твоя помощь.

— Говори, — Север сразу становится серьёзным.

Не задаёт лишних вопросов, а на фоне я слышу, как он выходит куда-то, аккуратно закрывая за собой дверь.

— Мне нужно, чтобы вертушка была у меня через четыре часа. И вместе с чурчелой нужно будет забрать пацана. Лет пять. Мишка зовут. Очень нужно, чтобы он оказался в безопасности, а кроме вас с Любой никого поблизости нет.

— Туман, какого...

— Не спрашивай пока, — перебиваю я. — Потом объясню. Но мне нужно, чтобы он был в безопасности. А здесь сейчас небезопасно.

— Хорошо, — соглашается Север без лишних вопросов. Вот за это я его и уважаю. — Вертушка будет вовремя. Да и Люба обрадуется. А Аня заодно потренируется, — напоминает он о том, что ещё и его старшая дочь сейчас с ними.

Я усмехаюсь. Да, Люба точно обрадуется. Эта женщина может приручить кого угодно.

— Спасибо, брат, — говорю искренне.

— Но ты же понимаешь, что то, что я сейчас соглашаюсь со всем, не означает, что ты сможешь отсидеться и ни хера мне не рассказать, — смеётся Север. — В подробностях, брат.

— Будет тебе объяснение, — обещаю я и отключаюсь.

Теперь нужно к Карловичу. Плечо ноет, а ещё этот старый хрыч умеет вытаскивать из меня то, что я предпочитаю держать при себе.

Да и с Яной, надеюсь, он закончил.

Мои дорогие! Кто-то вообще не понимает, что с ним происходит! И ведь даже не может вложить себе в голову Туманчик наш, что жизнь умеет делать развороты на сто восемьдесят за несколько секунд))!

ТУМАН.
НЕПОКОРНАЯ ДЛЯ БАНДИТА

Когда опасность встречает страсть

ЛИНА МАК

Глава 7

Стоит мне только подойти к двери номера, как Карлович выходит из него, тихо прикрывая за собой дверь. Этот старый, седой, с умными глазами, которые видят насквозь, мужик быстро сканирует меня и кивает в сторону моего номера.

Спорить нет желания, хотя самого тянет посмотреть, что там. Но боль в плече снова даёт о себе знать, а чтобы не сдыхать от температуры завтра уже, лучше дать этому эскулапу всё проверить.

Мы входим в мой номер, но дверь я не даю закрыть, а вот Карлович только довольно хмыкает и по-старчески качает головой.

— Садись, — коротко бросает он и кивает на кресло.

Сажусь. Карлович молча осматривает рану, обрабатывает, накладывает повязку. Его руки уверенные, привычные. Сколько раз он латал меня и Севера? Не сосчитать.

— Глубоко, но не критично, — говорит он наконец. — Повезло. Каблук прошёл мимо артерии.

— Везунчик я, — усмехаюсь я.

— Везунчик, — повторяет Карлович и садится напротив. Смотрит на меня долго, изучающе. А потом спрашивает: — Кто она?

— Проблема, — отвечаю я коротко.

— Проблема, значит, — хмыкает старик. — А ты на неё смотришь так, будто готов и убить, и отлюбить одновременно.

Я замираю. Смотрю на Карловича и понимаю, что старый хрен попал в точку. Да только я совета не просил, что и напрыгает.

— Если хочешь её убить и отлюбить одновременно, — продолжает он спокойно, — она твоя, Марат. Вот такая простая, но въедливая правда. Можешь сопротивляться сколько угодно, но рано или поздно сдашься. Так всегда бывает, когда мужчина встречает свою женщину.

— Она не моя, — огрызаюсь я. — Она

— Проблема, — заканчивает за меня Карлович и улыбается. — Да, я понял. Но от этого ничего не меняется. Ты уже связался, Марат. Да и легко не будет.

Я молчу. Потому что спорить с Карловичем бесполезно. Он всегда прав. Всегда. И от этого только сильнее сводит скулы. Послать-то хочется от этого не меньше.

— Иди. Они в номере. Мишка уснул у неё на руках, как только я обработал спину, — говорит он устало. — И постарайся не наделать глупостей.

За грудиной снова что-то простреливает. Но я встаю, натягиваю футболку и иду к двери. А на пороге оборачиваюсь:

— Спасибо, старик.

— Не за что, сынок, — усмехается Карлович. — Не за что.

Открываю дверь — и вижу, что Яна лежит на кровати,

укрывшись одеялом. Мишка рядом, свернулся калачиком, уткнувшись ей в бок. Дышат ровно. Спят.

Вот только я знаю, что Яна не спит. Слишком напряжена. Слишком настороже.

Закрываю дверь на ключ, подхожу к креслу у окна и сажусь. Вытягиваю ноги, откидываюсь на спинку и смотрю на них.

Хочу поймать её взгляд в темноте номера, но она упорно делает вид, что спит. Ничего, я подожду.

Я умею ждать. Жизнь научила. Да и все круги личного ада, которые мы проходили с Севером, чтобы стать теми, кем мы есть, многое показали в жизни. И я жду сейчас.

Хочется выпить, но это не выход. Голова должна быть трезвой. И для того, чтобы отвлечь себя, достаю мобильный и начинаю искать уже другую инфу — мысль о которой только сейчас пришла в голову.

Почему Яна рванула именно сюда? Могла же где-то в тайге затеряться, но нет. Значит, здесь есть кто-то, кто мог ей помочь.

Проходит час, может, два. Мишка посапывает, а Яна всё ещё напряжена. Но постепенно её дыхание выравнивается. Становится глубже. А ещё через полчаса я замечаю, как её черты лица расслабляются полностью. Она засыпает, а я записую на её лице. Кукольное, даже какое-то слишком наивное и до пиздеца красивое.

Мне нужно гнать её! Но вместо этого я встаю. Бесшум-

но подхожу к кровати. Наклоняюсь над Мишкой и аккуратно беру его на руки. Пацан всхлипывает, но не просыпается. Прижимается ко мне доверчиво, и что-то неприятное сжимается в груди.

Через полчаса будет вертушка, и мне нужно его вывести отсюда. С детьми сильно не побегаешь.

Выношу его из номера. И радуюсь тому, что в коридоре уже стоит уставший Грек и ещё один парниша из охраны. Грек ему однажды жизнь спас. И это сделало его одним из лучших охранников. Даже не так: он один из моих надёжных парней.

— Так, через полчаса будет вертушка Севера. За пацана головой отвечаешь, — говорю я тихо.

Парень кивает, но смотрит на меня вопросительно. И я понимаю, что должен передать мелкого ему, но просто так отдать пятилетнего пацана, который вообще не понимает, что происходит, тоже не вариант.

Наклоняюсь к Мишке, который начинает просыпаться, и тихо говорю:

— Эй, малой. Слушай меня внимательно. Яне сейчас нужна помощь. А я могу ей помочь, только если ты будешь в безопасности. Понимаешь?

Мишка моргает сонными глазами, смотрит на меня испуганно. Но кивает.

— Ты поедешь к моим друзьям. Хорошим людям. Там будет весело. А через две недели я заберу тебя обратно к Яне.

Она будет ждать тебя. Обещаю.

— А Яна? — шепчет Мишка, а я улавливаю дрожь в его голосе.

— Яна останется здесь. Я позабочусь о ней, — говорю я твёрдо. — Доверяешь мне?

Мишка смотрит на меня долго. А потом медленно кивает.

— Молодец, — усмехаюсь я и треплю его по волосам. — Всё будет хорошо.

Грек вместе с пареньком уносит Мишку, а я возвращаюсь в номер. Закрываю дверь. Снова сажусь в кресло и смотрю на Яну.

Она, наконец-то, спит по-настоящему. Лицо расслабленное, губы чуть приоткрыты. Красивая. Чертовски красивая. И, сука, опасная.

Карлович прав. Я уже ввязался. И теперь остаётся только один выход — идти до конца. А потом просто выставлю её и пусть катиться. Нахер мне эти проблемы?

В положенное время слышу звук подлетающей вертушки и чувствую, что сейчас будет весело. Но могу просто сидеть и смотреть на неё. На то, как она дышит. На то, как иногда вздрагивает во сне. На то, как сжимает пальцы в кулаки, будто даже во сне готова драться.

«Кто же ты такая, Яна Мамонтова? И какого хрена ты сделала со мной?»

Но стоит вертушке взлететь, как мне приходит сообщение от Грека, что посылка отправилась к адресату, и Яна просы-

пается.

Она резко открывает глаза, оглядывается. Я понимаю, что Яна ищет Мишку. А от того, что не находит его, её начинает потряхивать.

И тут она вскакивает с кровати так резко, что я едва успеваю подняться из кресла.

— Где он?! — кричит она, и в её голосе паника. — Где Мишка?!

— Спокойно, — говорю я ровно, но она уже летит ко мне.

— Где он, ублюдок?! Что ты сделал?! — бьёт меня в грудь отлично поставленным ударом, да так, что другого бы сложило пополам.

Хватаю её за запястья. Разворачиваю и прижимаю спиной к себе. Она извивается, пытается вырваться, но я держу крепко.

— Он в безопасности, — говорю ей на ухо. — Слышишь? В безопасности. Его увезли к людям, которым я доверяю. Его не тронут. Он будет цел.

— Ты ты — она задыхается от злости и страха.

Я чувствую её дрожь и беспомощность. И тут же в башке простреливает мысль, что любая баба будет беспомощна, если у неё на руках ребёнок.

— Ты должна сказать спасибо, — злюсь я. — Или тебе по кайфу таскать пацана по горам, где неизвестно, выживешь ты сама или нет? Отличный подарок сестрёнке, не находишь? — быю словами, и Яна вздрагивает, как от удара. — О нём

позабываются. Через две недели он вернётся. Живой и здоровый. А мы пока решим проблемы, которые ты притащила сюда своей тощей задницей!

— Я тебя убью, — шипит она сквозь зубы. — Клянусь, я тебя убью!

— Попробуй, — усмехаюсь я.

Она снова пытается вырваться, но я не отпускаю. И тут понимаю — она плачет. Беззвучно. Слёзы катятся по щекам, а тело дрожит.

И что-то внутри меня ломается.

Разворачиваю её лицом к себе. Она смотрит на меня ненавидящим взглядом, полным слёз. Открывает рот, чтобы снова наорать на меня. А я делаю единственное, что приходит в голову.

Затыкаю ей рот единственным способом, который работает. Целую. Жёстко, требовательно, напирая так, как мне хотелось сделать всю ночь!

Она замирает. На секунду. А потом впивается зубами в мою губу.

— Твою мать! — рычу я и отстраняюсь.

Она тяжело дышит, смотрит на меня с вызовом. И я вижу, что она готова снова кинуться в драку.

Но я быстрее. Толкаю её на кровать. Она падает с глухим стоном. Я нависаю над ней, ловлю её руки и прижимаю над головой. Яна извивается подо мной, пытается вырваться, но бесполезно.

— Успокойся, — рычу я. — Сейчас же!

— Пошёл ты! — выплёвывает она.

— Как скажешь, красавица, — усмехаюсь я.

И снова целую её. На этот раз медленнее. Настойчивее. Моя свободная рука скользит вниз, по её телу. По боку. По бедру. Шмотки мешают и дико бесят, но даже через них чувствую отклик. Яна вздрагивает, пытается оттолкнуть меня ногой, но я прижимаю её коленом.

— Не смей, — шипит она мне в губы.

— Почему? — спрашиваю я хрипло. — Боишься, что тебе понравится?

Её глаза вспыхивают, но я не даю ей ответить. Моя рука скользит выше, задирая футболку. Касается нежной, горячей кожи, и я напоминаю себе, что у неё куча синяков.

Да только её реакция в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.